

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЛЕГЕНДА

НАШИХ ДНЕЙ

Зинаида Гиппиус
Легенда наших дней

«Public Domain»

1893

Гиппиус З. Н.

Легенда наших дней / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1893

«Есть уютный и милый городок недалеко от Киева. В Малороссии. Все равно как он называется, но известно, что там живут и хорошие, и дурные люди, и счастливые, и несчастные – совершенно, как во всяком другом городе...»

© Гиппиус З. Н., 1893

© Public Domain, 1893

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Легенда наших дней

I

Есть уютный и милый городок недалеко от Киева. В Малороссии. Все равно как он называется, но известно, что там живут и хорошие, и дурные люди, и счастливые, и несчастные – совершенно, как во всяком другом городе.

Несчастливых, вероятно, меньше, потому что, идя по тихой улице, встречаешь довольные или равнодушные лица. Люди живут мирно, друг другу не мешают, спят, кушают вволю – у кого есть что кушать – молятся Богу и уж, конечно, не ропшут на судьбу. Разве Степан Маркович после двадцатого числа вернется навеселе, – ну так Анна Тимофеевна всплеснет руками и скажет несколько раз подряд: «И какая моя жизнь! и какая моя жизнь!» Тем дело и кончится. Бедные, нищие? В городке было как-то мало нищих – только закоренелые пьяницы. Когда у человека на душе спокойно, он и неимущему скорее от достатка своего уделит: «На, мол, возьми, мне тебя жалко!» Один копеечку, другой копеечку, глядишь – и хлеба кусок, а не то и получше что-нибудь. Да и зачем нищим быть, когда в городе столько монастырей? Ведь только подумать надо – целых двенадцать. Семь мужских да пять женских. Обеднел ты, положим, нечем кормиться, а жизнь ведешь хорошую; иди в монастырь, прими послушание – о Христе все братья. Хлеба да елея не жалко, монастыри богатые, – а чем больше братий в монастыре будет, тем больше душ спасется. Жизнь привольная, спокойная, без хлопот – только утром как бы раннюю обедню не проспять.

Кто не знает мирных, длинных улиц с низенькими домиками по сторонам, с шаткими, дощатыми тротуарами, по которым спешит утром Иван Иванович в присутствии, согнувшись, с портфелем под мышкой? В синей запаске, с голыми икрами, с колеблющимся коромыслом на плечах, проходит черноглазая Устинья за водой. Как ни рано, она уже успела надеть на голову громадную шаль, свертев ее, как тюрбан. Устинья ищет, с кем бы поругаться, – и в конце концов нападает на бедных, мирных свиней, которые ходят целыми стадами, тихо бормочут что-то про себя и роются мордами в канавах, около серых деревянных тумб.

– О, да чтоб вы сказались! – кричит Устинья, махая хворостиной. – На человека лезут, прохода нет!

Отворяются окошки домиков, высовываются довольные лица обитателей, часто хозяева свиней вступают в спор с Устиньей, поругаются вдоволь и разойдутся, спокойные, к своим неспешным делам.

Через заборы видны низкорослые, крепкие фруктовые деревья, покрытые вишнями, незрелыми дулями и яблоками, а там дальше, вглубь, начинаются настоящие сады с тенистыми дорожками, с протекающей речкой или сажалкой за густым малинником. – Какая благодать! Какая тишина и отдохновенье!

На улице безмолвие. Редко проедут, и нетронутая лежит густым слоем пушистая, серая, словно бархатная, пыль. На главной улице – больше народу. Только одна эта улица имеет свое имя: она называется Мостовой. Ее когда-то вымостили, то есть положили поперек длинные доски и скрепили их между собой. Это было очень давно – некоторые доски сгнили, а другие стали прыгать под колесами, будто клавиши, на которых играют гамму.

На Мостовой помещался окружной суд и все лучшие магазины. Это были переносные магазины! В субботу все они закрывались, и тут уж ровно ничего нельзя было поделывать, потому что владели ими евреи. В субботу торговал только магазин Каратаева, единственный русский,

но это такой дрянной магазин, что о нем не стоило и говорить. Жена товарища председателя купила там раз шелку, и что же? Пришла домой – и моток оказался совсем не в цвет!

Судейские дамы постоянно ссорились и мирились – в этом было их главное занятие. Иначе они бы умерли от скуки. Спорили из-за платьев, из-за прислуги, из-за детей. Но и мирились они также часто, и ни одна из них не могла с точностью сказать в данную минуту, кто ей враг и кто друг.

В конце Мостовой улицы была площадь. Посередине хотели разбить сквер, и даже огородили это место деревянной решеткой, но насадить деревьев еще не собрались, и за решеткой росла только трава да высокий сизый бурьян.

II

На самом краю площади стоял одноэтажный каменный домик с зеленым подъездом. Левая сторона домика очень странно и неправильно вытягивалась вперед, так что внутри одна комната – зала – оказывалась косою, и один угол был длинный и узкий. Зато из углового окна виднелась вся противоположная сторона площади, еврейские магазины и гуляющие на тротуаре. Маничка любила смотреть в это окно.

Маничка была старшая дочь прокурора местного окружного суда. С тех пор, как она себя помнила, они жили в этом городе и на этой квартире. Все ее братья и сестры родились здесь. Впрочем, Маничка знала, что когда-то, очень давно, когда папа был еще товарищем прокурора, а не прокурором, и она только что родилась – они жили в другом городе, в какой-то Усть-Медведице. Маничка решительно ничего не помнила из своего пребывания там, но чувствовала, что у нее есть преимущество перед братьями и сестрами, и всегда с уважением и нежностью думала об этой таинственной Усть-Медведице. Впрочем – никто не знал достоверно, что думала Маничка. Многие даже полагали, что она ровно ни о чем не думала.

Знали одно, что у Манички чрезвычайно строптивый характер и она – горе всей семьи. Папа, прокурор, высокий, с седыми бакенами и длинными вставными зубами, часто наказывал Маничку, дабы исправить ее характер. Папа не скрывал, что он наказывает Маничку. Он знал, что и председатель наказывает своего Володю, и что все отцы вообще наказывают своих детей, а главная забота папа – быть совершенно как все. Мама другое дело. Полная, мягкая, добрая, вечно в хлопотах и заботе о маленьких детях – она даже редко выговаривала Маничке. Мама часто думала с горестью и страхом о том, что она, кажется, совершенно не любит Маничку. Она считала это великим грехом и раз даже призналась священнику на исповеди. Он, однако, ей простил, только посоветовал больше молиться Богу и говеть аккуратно каждый год.

Чем старше становилась Маничка, тем яснее видели все, что она – истинное горе семьи. Ленива, как черт. Пробовали в прогимназию отдать – куда там! кроме единиц и двоек ничего не получала и на второй год ее выключили. Наняли учительницу – учительница отказалась. Папа сам вышел, спрашивал – отчего?

– У вашей дочери, – говорит учительница, – ни желанья нет и, главное, никаких способностей. Она до сих пор писать почти не умеет.

Бились с Маничкой, бились – так и бросили ее на пятнадцатом году, оставили совсем, Что ж, если способностей нету. Пусть делает, что хочет.

А Маничка только этого и добивалась. Нянька говорила, что она с самых малых лет все спрашивала, почему запрещено то или другое.

– Потому что ты еще маленькая, – отвечала нянька. – погоди, вырастешь – станешь делать, что тебе хочется.

– Совсем все, няня? Все у меня будет, чего захочется? А теперь отчего нельзя?

– А ты еще мала, старшие больше тебя знают, оттого и запрещают.

– А когда же я все узнаю?

– Учись, так и узнаешь.

– Это по книжкам? Там, няня, не про то. Там все вздор.

И что ей ни скажут, она сейчас по-своему рассудит и не поверит. Ничему не верила, что ей ни говорили.

– Грешно, деточка, за обедней зевать, – говорила няня. – Бог не велел.

– Ну вот, няня, а если мне хочется? Почему Бог не велел? А когда я буду большая, Бог мне все позволит?

С удивлением и недоверием слушала она ответы няни и сейчас же возражала:

– Это, няня, не так. Это вздор. По-твоему – я никогда, ни теперь, ни после не могу делать, как я сама думаю. Сначала ты, папа и мама, а после все равно Бог. Значит, я так и не буду знать сама, можно ли что-нибудь сделать или нет?

Маничка не училась, не переходила из класса в класс, не кончала гимназии – и потому никто не заметил, как она выросла и стала большой девушкой.

Год летел за годом неуловимо в благословенном городке. Папа получил св. Анну и справил юбилей, родились два маленьких братца, умерло несколько членов суда, назначили новых, стали расчищать сквер на площади, а Маничка все еще ходила в коротком платьице с оборочкой и ездила на детские вечера, хотя ей исполнилось восемнадцать лет.

Вероятно, если б она была красива – все вышло бы иначе. Но Маничка не выравнялась, как ожидали раньше. Круглое, полное лицо, довольно широкий нос, белые, неправильные зубы, тонкая коса светло-желтого цвета и маленькие, глубоко сидящие, черные глазки – все это придавало ей странный, немного тупой вид. К тому же она была невысока ростом, сутуловата, из-под короткого платья виднелись большие ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.